

Даниэль Бергер

О

О НЕЧИСТИ

НЕЧИ
СТИ

И НЕ ТОЛЬКО

СТИ

Даниэль Бергер
гораздо более
оптимистичен,
чем Гейман
в "Американских богах",
и нечисть у него
невероятно симпатичная
и даже более, пожалуй,
человечная.

ЯНА ВАГНЕР

Классное чтение

Даниэль Бергер

О нечисти и не только

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бергер Д.

О нечисти и не только / Д. Бергер — «Издательство АСТ»,
2023 — (Классное чтение)

ISBN 978-5-17-153257-4

В дебютной книге Даниэля Бергера, режиссёра-документалиста из Кыргызстана, главные герои — полумифические, мифические и совсем уж сказочные существа, живущие бок о бок с людьми. Влюблённый застенчивый демон Стрекопытов и работающий в краеведческом музее злой дух Албарсты, тихий домовый и стареющая сирена, шуликуны-красноармейцы и упыри, проникнувшиеся идеями Маркса... Не то гоголевские, не то геймановские персонажи замечательно вписываются в повседневную жизнь и становятся героями ярких, трогательных, грустных и смешных рассказов. По книге снимается сериал.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-153257-4

© Бергер Д., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

На Воздвиженке, под самой крышей	7
Стрекопытов	12
Дети леса	22
Албарсты	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Даниэль Бергер

О нечисти и не только

© Бергер Д.

© ООО “Издательство АСТ”

Художник Виктория Лебедева

Фото автора на переплёте Мария Дягилева

Автор выражает благодарность Анастасии Гирковской и Зайтуне Нигматьяновой за помощь с переводом фрагментов на белорусский и башкирский языки

* * *

Даниэль Бергер (р. 1983) родился и живёт в Кыргызстане, режиссёр документального и игрового кино, продюсер. Книга «О нечисти и не только» – дебют в прозе.

«В знаменитых "Американских богах" у Геймана сверхъестественные существа также мелочны, слабы, жестоки и несовершенны – словом, ничем от

нас не отличаются. А вот Даниэль Бергер гораздо более оптимистичен (или наоборот, тут как посмотреть). Нечисть у него невероятно симпатичная и даже более, пожалуй, человечная. И реальные исторические декорации это только подчёркивают».

Яна Вагнер

На Воздвиженке, под самой крышей

Ну и пусть себе англичане спорят, сколько ангелов может уместиться на кончике иглы, – оставим их, Бог с ними! Они настоящего ангела и не видели никогда. Настоящий ангел и в одиночку там не поместится. А если у него ещё и пожитки кое-какие есть – хотя бы чемодан с зимним пальто и фикус в горшке – то для комфорта ему нужен целый подоконник.

Ангел поселился на подоконнике давно, с тех пор как на Воздвиженке обосновалась консерватория. Стоял жаркий сентябрь, и из распахнутых окон к небу устремлялся то модный Верди, то полузабытый Кавальери. Непривычные к такому лошадки, тянущие конку, вздрагивали и фыркали, обнажая сточенные зубы. Ангел летел мимо и, привлечённый хором пленных иудеев, уселся на подоконник. Да так там и остался. Уж больно понравилась ему здешняя атмосфера – музыканты ведь люди добрые, весёлые.

Никто ангела, конечно, не прогонял, а новых студентов и предупреждали к тому же – вот на тот подоконник не садись, инструмент не ставь, там ангел живёт.

Но даже когда консерватория съехала и хозяева стали сдавать квартиры в доме зажиточным купцам, ангел никуда не делся. Так и жил в окне третьего этажа, отлучаясь временами по своим служебным делам. Новые жильцы только поставили на подоконник фикус, но более ничем ангела не стесняли, потому как заметили – с ним дети меньше болеют, мужья ласковее становятся, а жёны – краше.

А когда началась война, ангел попрощался с фикусом, перевязал свой выдавший виды чемодан верёвкой для надёжности и отправился на фронт. Нет, военнообязанным он не был, но отсиживаться в Москве не мог. Три года он тогда при госпитале отслужил дежурным ангелом, сопровождая одних на тот, а других на этот свет. Нелёгкая это работа, нервная. Души ведь – не солдаты, не офицеры, дисциплины не знают. Вот умрёт какой-нибудь парнишка, ну всё уже – пора душу из лазарета выводить, а душа-то как упрётся, как вцепится в хилое тельце и давай рыдать. Это самое страшное. Другие души тогда разом теряют покой, мнутятся, в истерику даже могут удариться. И всей толпой как навалются на дежурного ангела – не хотим, мол, туда, рано нам ещё, пожалей, отроче!

Ангел их жалел, утешал как мог – очень ему тогда консерваторские урокигодились. Запоёт порой что-нибудь духовное из Бортнянского тоненько-тоненько, сам себя до слёз доведёт, но души упокоит. И потянет их, притихших, за ручку на выход, не давая оглянуться на искромсанные тела, накрытые белыми простынями.

Реже бывало наоборот: по ошибке забредёт душа на тот свет, потянется к сиянию в высших сферах, а тут ангел запыхавшийся – стой, нельзя туда! И чуть не силком тянет душу обратно, к окровавленным пальцам полкового хирурга Митрофанова, день и ночь оперирующего в переполненном полевом госпитале...

С фронта вернулся ангел в начале семнадцатого – и сразу на подоконник, к почерневшему от холода фикусу. Жильцы, по слухам, за границу подались, а фикус вот оставили в пустой квартире, значит.

Целый год отдыхал ангел от госпитального ужаса, просыпаясь только затем, чтобы полить фикус, и опять, свернувшись клубочком, погружался в тяжёлую дремоту. А в доме болели дети, гневались мужья и старели жёны, не зная, что в соседней комнате стонет и бредит во сне ангел.

– Шуликуны бегут, шуликуны в железных шапочках, в кожаных зипунчиках, – сам себе бормотал под нос, поглядывая из окна вниз на красноармейцев. С третьего этажа они были на одно лицо, да даже и лиц не разглядеть, а так – будто большой ёж по улице идёт, щетинится штыками в небо, перебирает десятками лап.

Этим утром в комнату пришёл с ордером новый жилец, бывший матрос из питерских. По-хозяйски осмотрел всё, бросил на подоконник тяжёлый, пропахший солёным потом бушлат и вежливо попросил ангела до вечера покинуть помещение.

На вопрос, где же ему теперь жить, матрос посоветовал сходить в домком, поговорить с председателем. Нет, здесь остаться никак нельзя, к нему жена придет, соскучилась. Вот и пришлось ангелу опять свой чемоданчик перевязать. Напоследок погладил прохладной ладонью шершавый подоконник, взял фикус, обёрнутый газетой... Пора!

В домкоме было людно – хватало и бывших, и нынешних. Все ждали председателя. Скуластые деревенские бабы толковали промеж собой о прозорливом старце Иулиане, который де твёрдо сказал – не устоит град сей без святых мощей! А как почти все мощи-то порушат, так и падёт град, придут де трое – рябой, да хромой, да плешивый и смерть откапают, что царь Еруслан под Кремлём закопал. Вот тогда-то и погуляет смерть по Москве! А ещё, говорят, в прошлом-то году воры подкоп рыли и на смерть-то наткнулися – это когда испанка была... Но не время было ещё смерти просыпаться, вот она и собрала народу сколько могла одним махом и обратно-то завалилась...

– Врите больше! – отвечали светлоликие красноармейцы. – Нет никаких святых мощей, а есть кости старые. И всё наоборот будет – когда, значит, все кости собакам выбросим, тогда придут трое: один весь в лучах солнца осиян, другой с лунным знаменем, а третий – по плечи звёздами осыпанный, и принесут они в мир язву моровую бывшим богатырям, а простому народу – счастье!

– Да как же так? – не выдерживали бывшие дамы в пожухших кружевах на давно не мытых шеях. – Да что же это делается? И где она, эта ваша справедливость? Разве мало мы претерпели? Уже и мужья-то наши полегли – да от чьей руки, не поймёшь! Уже и сами-то с голоду пухли, и деток сколько схоронили...

– Каких таких деток?.. – через губу сплёвывая, отвечали им их же бывшие горничные. – А то мы не видели, не знаем, как вы по докторам бегали, абортс чуть не каждый год делали! Проститутки дешёвые! Кончилось ваше время, хлебните-тко нашего!

– Варька, угомонись! Любка-змеюка, а ну подвинь зад! – умирил наконец всех председатель. Он пробирался к своему столу, на ходу раздавая шлепки. – Так, кто тут по жилищному вопросу?

Ангел шёл последним. Послушавшись советов, щедро раздаваемых очередью, он заранее подготовил письменное заявление: «Прошу поставить меня на учёт как трудящегося и предоставить жилую площадь на одну персону в доме номер 13 по улице Воздвиженке. С учётом происхождения из небесных сфер прошу разместить в верхних этажах означенного дома, чтобы поближе быть к звёздному небу».

Председатель читал по складам, вслух. Особо сложные места порой и по нескольку раз. Это заявление он прочёл целиком три раза, после чего подозрительно уставился на ангела.

– А ты сам кто такой будешь-то? Можешь не отвечать, сам вижу... Воевал?

– Так точно!

– А заслуги имеешь?

– Никак нет!

– Ну откуда тебе... А дом-то не резиновый! Как я тебя без заслуг размещу тут? Только если в квартиру 1-Б... Там дворник с семьёй да ещё два хлопца квартируют...

– Но это же полуподвал. Я не смогу там... У меня же происхождение, понимаете?

– Отставить разговоры! – председатель был из унтеров и возражения гасить умел как никто другой. Потом помолчал и добавил тише, даже немного сочувственно: – Бери, чего дают, паря... И забудь про своё высшее происхождение. И не таких тут видали...

Ладно, подумал ангел. Одну ночь можно и переночевать. А завтра поищу квартиру – может, кто подоконник сдаст.

Койко-место у дворника оказалось тремя табуретами, составленными так, что человек нормального роста мог на них лечь, только поджав ноги. Ангелу же этих табуретов хватило ещё и чтобы разместить все свои пожитки. Жена дворника – пожилая безымянная татарка, решившая, что ангел посягает на её жилплощадь, сперва, проходя мимо, норовила спихнуть и фикус, и чемодан с законного места, пока не получила от мужа, знавшего ангела ещё до войны, крепкий тычок. Зато дети сразу полюбили гостя и тянули его в разные стороны – мальчишки в бабки играть, девчонки – куклу кормить.

К ночи появились другие жильцы – странные синюшные типы, пахнувшие мертвечиной. Этот запах ангел бы ни с чем не перепутал – запах тошнотворный, жирный и тухлый.

При ближайшем рассмотрении оба оказались упырями. Столкнувшись с ангелом, они попятились к выходу, но путь им неожиданно преградил председатель.

– Ну как расположились? Живёте дружно? – не обращая внимания на упырей, спросил он у ангела.

Ангел радушно шагнул к нему навстречу, с удовлетворением заметив, что соседи близки к обмороку. Поговорив с председателем и проводив его, ангел обернулся к упырям:

– А ну пошли во двор, поговорим.

Ночь была уже по-зимнему холодной и ветреной. Упыри в темноте чувствовали себя увереннее и нагтели на глазах:

– Нас двое, ты один.

– Вижу, – ангел был спокоен. – Откуда взялись?

– Из-под Рязани. С обозом приехали летом ещё.

– Понятно. Чем тут занимаетесь?

– А то сам не знаешь! – загоготали они. – Ладно, кончай базарить. Чтоб мы тебя здесь больше не видели. Это наше место!

«Вот нечисть пошла безмозглая, – подумал ангел. – Ну так деревенские ведь... Про ангелов, наверное, только в сказках и слышали», – и он улыбнулся, представив, как кровопийца-мать рассказывает этим зубастым тварям страшные сказки про светлую силу.

– Чего лыбишься-то? – удивились упыри. – Пошёл отсюда!

– Только после вас, – вежливо ответил ангел и неожиданно схватил обоих дуралеев за руки.

Вспышка света озарила тёмный двор, и через минуту рядом с ангелом тлели две небольшие кучки серого пепла. Из-за угла появился председатель.

– Ловко ты их, – присвистнул он. – Может, в милицию пойдёшь? А я и рекомендацию напишу...

Утром ангел отправился на поиски комнаты в верхних этажах. Ему повезло – у подъезда, где раньше скрипачи занимались, висело объявление о сдаче жилья. Цена не указывалась, и ангел решил зайти – денег у него не было, но вдруг хозяева выделяют подоконник за просто так?

Дверь открыла женщина в чёрном платье по фигуре. Неестественно блестящие глаза выдавали в ней любительницу белого нюхательного порошка.

– Здравствуйте. Я по поводу комнаты.

Женщина молча кивнула и повела гостя вглубь гигантской квартиры. Сдаваемая комната была в самом конце, у кухни. Она и была раньше частью кухни, а теперь стала отдельной комнатой, так и не лишившись, правда, особого кухонного запаха лука и керосина. В комнатке ничего не было кроме узкой солдатской койки и цветной картинки, при взгляде на которую ангел покраснел. В это время из соседней комнаты вывалилась голая девица и, держась за стены, побрела в уборную. Ангел понял, куда его занесло, и решил как-то вежливо закончить визит:

- Так сколько, вы говорите, в месяц?
- Пятьсот, – пророкотала женщина.
- Да... Дороговато для меня, знаете... Извините за беспокойство.
- Четыреста.
- Нет-нет, я пойду...
- Не хочешь, значит, комнату?
- Не хочу, – наконец признался ангел.
- Ну тогда посиди со мной немного. С тебя ведь не убудет.

В комнате хозяйки было даже уютно: красный торшер у дивана горел мягко и по-домашнему. Юлия Алексеевна в этом свете и сама казалась мягче, женственнее и милее. Ангел по привычке занял подоконник и, как большой пёс, рассматривал развешенные по всей комнате фотографии самой хозяйки и, видимо, её мужа.

- Противно тебе здесь, да?
- Нет. У вас хорошо в комнате. Это муж?
- Любовник.
- Простите.

– Ничего. Могла бы сказать, мол, да, муж, но вспомнила историю, ну ты знаешь, про женщину, у которой пятеро было и ни один не муж.

Тут в комнату зашла давешняя девица, уже завернувшаяся в какую-то скатерть.

- Юлька, клиент ушёл. Марафету дай.
- Пошла вон, Катюха. Видишь, у меня гость.
- Сука, – беззлобно сказала девица и вышла.
- Осуждаешь меня? – закурив, спросила хозяйка.

Ангел замялся. За три века, проведённых в человеческом обществе, он, конечно, уже ко всему привык, но спокойно взирать на нелепые людские судьбы так и не научился.

– Знаешь, я на исповеди не была лет шесть. Да, верно – в тринадцатом году я своего Митю встретила. Думала, что уже и не исповедуюсь никогда, а ты взял и явился из ниоткуда. Тебе ведь можно исповедаться?

- Нет. Но мне можно просто рассказать.

Юлия Алексеевна горько усмехнулась:

– А рассказывать-то и нечего. Всё как у всех – жизнь во грехе или, как говорила моя кухарка, «баба-дура, баба-дура, баба-дура грешная, только толстая фигура и судьба потешная». Вот и у меня так – на потеху живу!

Тут её опять прервала марафетчица Катюха:

- Юлька-сука, ну сил нет! Дай нюхнуть!

– Да подавись ты! – хозяйка бросила ей в лицо какой-то медальон, и девица, схватив его, убежала.

– Ты прости меня, соколик. Я как будто забываю иногда, с кем говорю. А ты сам виноват! – в голосе её появились весёлые, но немного истерические ноты. – От тебя же должна какая-то благодать исходить, а ты сидишь бука букой! Как гимназист в первый раз... Ой, ну прости дуру!

Женщина пошарила на прикроватном столике и, найдя там ещё один медальон, собралась было его открыть. Ангел, вспорхнув с подоконника, выхватил его и положил в карман. Он ещё с войны знал, что если марафетчика вовремя не остановить, то разговор превратится в бесконечную чехарду горького плача и буйного веселья. Юлию Алексеевну потеря не расстроила. Она даже будто и не заметила ничего, мечтательно вглядываясь в портрет улыбчивого офицера.

– Если бы не война эта проклятая, мы бы с Митей сейчас в Крыму жили – у него там дом, родители. Он всё обо мне знал и не осуждал – вот как ты. Это прошлое, говорил мне.

Это всё было когда-то давно и не с тобой. А теперь ты моя и скоро будешь совсем моя! Война закончится, я приеду и увезу тебя в Крым. Будем там жить, сад заведём и огород с клубникой – ты любишь клубнику? Да, отвечала я, очень! Да ты, наверное, настоящую-то клубнику и не пробовала... Где ей тут взяться! А вот в Крыму...

– Знаешь, он ведь перед тем как на фронт уйти, денег мне оставил. Обещаний с меня никаких не брал, но я сама себе тогда пообещала – я дождусь его. Именем его жила, молилась на него... Письма целовала, конверты... А потом, потом, когда писем не стало, я уже не на него, а за него молилась. Месяц, два... Полгода... Просила: Боженька, пусть Митя там встретил другую, пусть разлюбил меня, дуру! Но пусть только живой...

Женщина беззвучно заплакала. В комнату вошла Катюха, уже, видимо, утолившая свой голод. Она села на кровать и обняла Юлию Алексеевну, глядя немигающими глазами куда-то в стену.

– Это Катька. Она меня нашла, когда я уже от голода умирала. Ты не думай о ней плохо, пожалуйста. Она добрая... – хозяйка погладила Катюку по нечёсаным волосам, – она мне жизнь спасла. От меня в этом деле уже какой прок – старая стала... А Катя, она за нас двоих работает. Я её люблю очень.

Тело улыбчивого офицера Мити вместе с телами его родителей лежало в огромной зловонной яме на окраине Севастополя. К сожалению, Митя не разлюбил проститутку Юлию, а потому и не покинул Крым вместе с остатками армии. Он остался, споров с шинели офицерские погоны и добровольно сдав всё оружие, включая кортик.

Ангел рассказал об этом Катюке, когда её подруга уснула. Потом они сидели на подоконнике, закрыв глаза и держась за руки. Благодаря этому Катюка могла видеть странно-сиреневый закат над Эгейским морем, на котором она никогда не была, коричнево-золотистые пески Туркестана и серебристые горы Даурии.

– Ты можешь нас отнести куда-нибудь далеко, где нас никто не знает? – спросила она.

– Увы, нет. Даже если я так сделаю, обязательно случится что-нибудь, что заставит вас вернуться сюда.

– Пусть! Но хотя бы на день можешь?

– Нет. Но вы сами сможете.

– А ты поедешь с нами?

– Нет. Знаешь, у ангела на земле есть свой срок, и вот мой, кажется, подошёл к концу.

– Как ты это понял?

– Я слишком привязался к людям.

– И что теперь будет?

– Ничего. Просто я сейчас уйду, и... всё будет хорошо. Не надо больше искать квартиру – это ведь очень хорошо!

– А что с нами будет?

– Не знаю. Могу только предположить, что сейчас тебе очень захочется спать. Ты ляжешь и проспишь почти сутки, чтобы завтра утром встать и решить, что будет дальше.

Ангел перенёс спящую Катюку на кровать, подмигнул на прощание фикусу на подоконнике и превратился в огонёк, который, покружив по комнате, вылетел через окно и застыл Рождественской звездой над Кремлём где-то на высоте двух с половиной – трёх километров.

Стрекопытов

Григорий Стрекопытов, не слишком крупный дьявол из служащих, за две минуты успел проснуться, натянуть кепку-шестиклинку на белёсые рога, схватить с пола чемоданчик и выскочить из середины общего вагона в тамбур, где проводница готовилась закрывать дверь. Легко перепрыгнув изумлённую девицу и больно стукнувшись правым плечом о стену вагона, он не очень уложе приземлился на щербатую платформу уже в тот момент, когда локомотив издал прерывистый вой, и поезд № 115 шатко покотился по направлению на Оршу. В боковом зеркале машиниста блеснула полная луна – ярче всех прожекторов республики, – но тут же поднимающийся с земли Стрекопытов заслонил её высокой своей фигурой. Машинист мигнул зелёным глазом, сплюнул, чертыхнувшись, прямо на зеркало и прибавил скорость.

До открытия заводоуправления Стрекопытов тюкал носом на чьей-то завалинке, зябко потирая плечи и ладони. А как солнце пригрело, так он и пошёл к двухэтажному зданию льнокомбината, прямо к самому директору.

Директор Ширко А.А., принимая гостя, одновременно улыбался и хмурился, но улыбался всё-таки чуть чаще. А хмурился и вовсе только потому, что сам не любил иметь дело с нечистью. С другой стороны, где ж ты найдёшь снабженца лучше, чем дьявол?!

– Да... Образование у вас, я смотрю... Гхм... Ну ладно, – басил он, всматриваясь в документы. – Но опыт работы по специальности имеете. Взыскания какие-то, порицания, выговоры?.. Даже так! Грамота... Гхм! А родители где? Аж в Бугульме? Это где это?.. Ну а сюда, к нам на вёску, чего потянуло-то?..

В конце концов директор крепко пожал стрекопытовскую ладонь:

Добро! Иди в отдел кадров, оформляйся, получай подъёмные. Ключ от гостиницы там же спросишь. День тебе на утряску и завтра чтоб как штык! У нас на комбинате строго!

Гостиницей называлась хата, заколоченная, да сырая, да паутиной занавешенная, да червём древесным изъеденная, скрипучая, но чудом ещё каким-то стоящая, хоть и криво, в самом конце заводской улицы, между ольхой и рано отцветшей в этом году вишней. До магазина десять минут, до завода пятнадцать, баня – вот она, напротив. Нашёлся в хате веник, нашлось ведро со шваброй, и даже сероватое, но чистое и выглаженное постельное бельё с блёклым инвентарным номером тоже нашлось на узкой пружинистой кровати под единственным окошком с засохшими цветочными горшками.

В целом жить можно, если претензии поубавить. А у Стрекопытова их никогда и не было.

Магазин был обычный, тихонький. Вышла к прилавку когда-то воздушная и бойкая, а сейчас величавая, полная, с затаённой страстью в сорокалетних коровьих глазах Валентина. Мгновенно оценив возраст, социальное положение и семейный статус посетителя, она отрянула белый халат над пышным бюстом и послала миру ослепительную улыбку во все двадцать восемь зубов плюс четыре золотые коронки.

– Доброго денёчка! Подсказать вам чего, гражданин?

– Да, пожалуйста. Нет ли у вас плетёной авоськи? Понимаете, свою в райцентре забыл, – говор Стрекопытова был чарующе нездешним.

– Как не быть? Да вот же она, смотрите... А вы к нам надолго из райцентра?..

– Ну, пока не уволят...

Валентина усилила напор:

– А в авосечку-то чего? У нас вот огурчики справные есть, а к ним колбасочку с бутылочкой, а? Или хоть пряников к чаю возьмите!

– В другой раз, спасибо! У меня своё всё. До свиданья!

Такая сдержанность распалила сердце продавщицы сильнее, чем еженедельные приставания замдиректора овощебазы и двух тамошних грузчиков, одного из которых Валентина однажды даже как-то всерьёз полюбила.

– Икорка с праздников ещё, товарищ! – запоздало вдруг вспомнила, но жилистый брюнет уже не слышал её. Остаток дня Валентина посвятила томлению духа, кратко уведомив об этом на дверях сельпо: «Ушла на базу!»

Войдя в хату, Стрекопытов взмахнул пустой авоськой и тут же вытащил из неё маленькую пачку гранулированного индийского чая, сахар, пряники, полкольца краковской и четвертинку подового сельского каравая. По привычке прилетевшие с чаем папиросы он твёрдо отослал в небытие, бросив обратно в авоську.

Вечером, закончив уборку, дьявол выпил чаю и устроился под настольной лампой со справочником узлов, агрегатов и запчастей линии по производству однотипного льноволокна. Так и уснул.

В ту ночь в посёлке особенно хорошо спалось – повеяло с реки прохладцей, смолкли беспокойные жабы и кузнечики, и стали слышны тонкие голоса серебряных колокольчиков, каждое полнолуние объявляющихся на соседнем совхозном поле. В такую-то ночь только и можно их отличить от других цветов, скромно закрывающих свои головки. Серебряные вверх смотрят, луной любят. Тут ты их, не будь дурак, и рви и беги к дому, пока роса не выпала. Если успеешь в хату забежать, обернутся те колокольцы серебряными лепестками, а не успеешь – обычной травой останутся.

Только кто ж побежит ночью в поле серебро искать, если на проходной надо к восьми быть, а совхозникам и того раньше – в шесть первая дойка! Пропадают колокольцы зазря...

Директор Ширко на пару с главным инженером Пиневичем терзали нового снабженца:

– Шестерни в мялко-трепалке износились. Если в Туле заказывать, то месяц жди. Положим, их и в инструменталке выточить можно, а только ты сам договаривайся. И на Тулу не слишком-то надейся – они нам ещё вальцы не поставили рифлёные. В общем, сам давай, сам...

Стрекопытов понятиливо покивал головой, уточнил марку стали для шестерёнок и заодно срисовал в блокнот, как выглядят рифлёные вальцы. Пока кабинет свой обустроил, накладные заполнил, до Тулы дозвонился – а они вальцы не выслали ещё, уже и обед начался. Пришлось встряхнуть авоську на ходу, да так и идти в столовую с промасленными деталями, искать главного инженера.

– ГЩ-012? Ты смотри! Ведь могут же, когда захотят! – главный инженер одной рукой держал шестерню, а другой споро наворачивал борщ. – А ты молодец, Григорий, пробивной парняка! Садись давай, ешь.

Так и пошли стрекопытовские будни. Оборудование на комбинате было старым, а планы руководства амбициозными. Поэтому и работы по снабжению хватало. Зато во втором квартале план перевыполнили. Всем дали грамоты, пообещав в конце года премию. А Стрекопытову ещё и малосемейный коттедж. На совещаниях в районе директора Ширко теперь хвалили и ставили в пример как энергичного руководителя и умелого хозяйственника. Раз как-то даже фотографировали на доску почёта, но с размещением пока не спешили, дожидаясь итогов года.

А Ширко не дурак, Ширко понимал, кому обязан успехом, и все силы направлял на то, чтобы удержать у себя такого снабженца. Гостиницу побелил ему. Мебель туда из красного уголка притаранил. Учителку уговорил подождать со свадьбой, забрав у неё ордер на строящийся коттедж. Пару раз даже пытался угостить Стрекопытова самогоном тёщиного производства. Тот, правда, отказывался, но до того вежливо, что директору не в обиду и даже в радость было возвращаться домой с непочатой бутылкой под мышкой. Так и шёл Ширко от самой гостиницы, чуть пританцовывая, и улыбался всякий раз, как только вспоминал ласкового и обаятельного дьявола. Дома бутылку откупорил, налил – себе полный стакан, жене поменьше, махнул,

похрустел капусткой, задумался. Жена, бывшая в курсе всех тревог Ширко, молча прильнула сбоку и погладила мощную спину. И тут Ширко осенило – женить его надо!

– Легко сказать! А на ком? Нет, девок-то у нас полно. И сам Григорий – мужик видный, по нему не одна только Валюха сохнет. Да только не гуляет он ни с кем! На танцы не ходит, пиво по вечерам не пьёт. Даже в домино не режется! – раскрасневшийся Ширко высказывал жене свои заботы, пока та участливо подливала ему самогон.

– А ты бы поговорил с ним, Апанас. Так, мол, и так. Может, у парня проблемы какие? Может, его к врачу хорошему устроить надо? Или к бабке?

Не врал Ширко – по Стрекопытову девки страдали. Когда проходил он по улице – высокий, стройный, голубоглазый – женские сердца ёкали. А если с кем заговаривал по делу или просто так, то и дыхание порой перехватывало у счастливицы, так был хорош собой скромник. И всегда-то рубашка у него отглажена, подбородок выбрит и опрыскан ядрёным одеколоном с шипровыми нотками. Ну как в такого не влюбиться! Вот и влюблялись.

Валентина из сельпо схуднула здорово, сделала в районе перманент и дала от ворот поворот грузчику с овощебазы. Не помогло. Тогда она повысила культуру обслуживания и перестала разбавлять сметану, но Стрекопытов всё так же проходил мимо.

Кадровичка Ядвига, наоборот, набрала пару лишних кило, принимая подношения в виде шоколадок за возможность почитать личное дело популярного сотрудника.

Библиотекарша Антонина Павловна увидела в снабженце тонкую, мятущуюся натуру и за свой счёт подписала его на толстый литературный альманах. Стрекопытов сдержанно поблагодарил, но на свидание так и не позвал. И в библиотеку больше не заглядывал.

Полногрудая фельдшерница Стася забросила все свои утренние дела и дежурила на пороге гостиницы с целью профилактического измерения давления у единственного постояльца. Стрекопытов начал уходить из хаты через окно.

И это только самые видные женщины села! Более скромные работницы комбината и другие поселанки, не знавшие, под каким предлогом подойти к мужчине, просто фланировали вдоль заводской улицы, замедляя ход у гостиничного окна, пока Стрекопытов не повесил на него штору.

К ночи женское внимание всё-таки спадало. Кого отцы загоняли домой, которые сами уходили, натерев мозоли тесными лодочками. Дольше всех на этот раз задержалась учителька, коттедж которой был обещан Стрекопытову. Несмотря на наличие официального жениха, она каждый вечер изображала из себя случайную прохожую, слегка отягощённую аккордеоном «Заря». Но и она ушла, напоследок промурлыкав что-то трогательное на своём инструменте. Стрекопытов вышел на крыльцо и тоскливо огляделся.

Все дьяволы привлекательны и опасны для женского пола, но некоторые особенно. К таким относился и Стрекопытов. Ему бы шелабудить, по курортам разъезжать со столичными актрисками и девушками из дома моделей, ан нет! Не интересовался этим. Отец его – он, кстати, из местных, к Мозырю приписан был – по молодости ох как гулял! Не то что девок, кикиморы запечной ни одной не пропустил на просторах от Кенигсберга до Камчатки. Пока не встретил бугульминскую одну, щекотуху из рода Шурале. Ну и она, известное дело, не слезла с него уже, щекотала, пока не поклялся жениться на ней. А женившись, дьяволы теряют свою магическую силу и тратят своё обаяние только на жён, отчего и плодовиты бывают без меры.

От отца Григорий унаследовал власть над женским сердцем, а от матери – лесную застенчивость и скромность. Вот и хоронился он в сельцах да вёсках, где соблазнов поменьше, девки почестнее и отцы у них построже. Да и то переезжал чуть не каждый год, когда очередная дура какая-нибудь совсем уж доставала.

За гостиничной хатой начиналось то самое поле, на котором серебряные колокольчики водились. До полнолуния было далеко, но знающий человек, а тем более дьявол, и в безлунную

ночь найдёт, чем себя занять. Вот трава высокая с махровым стеблем – симтарим называется. Из груди мертвеца растёт и большую силу имеет от ведьминой порчи защищать. А вот нечуиха, которой ветер остановить можно, если, во рту травку эту зажав, заклятие верное произнести. Но Стрекопытову она ни к чему. Он искал навий лист. Про этот лист в старину говорили, что он может невидимкой обратить. Врали, конечно. Но кое-какие полезные свойства у навиего листа всё же есть. Например, если его истолочь в кашу и намазаться ею, то люди на тебя внимание обращать перестанут. Видеть будут, но как-то вскользь, как будто не интересен ты им или дело какое важное отвлекает. За это навий лист любили ярмарочные воры, а шпионы всякие и пуше любили бы, да только теперь никто не помнит, как его искать. Оно и к лучшему.

А между тем найти его можно так: надо в безлунную ночь выйти в поле спиной вперёд с заговорённой свечой и ножом, потому что голыми руками навий лист не сорвёшь – обожжёшься. Идти нужно осторожно, прислушиваясь к шорохам и поглядывая на свечу – где она затрещит, а потом затухнет, там и ищи. На землю падай и слушай, какая трава гусём шипит. А услышишь, так сразу руби её ножом под корень, пока не затихла, не спряталась! Ну а потом бери её безбоязненно – лишённая корней, не обожжёт уже.

Свечка затрещала неожиданно, когда Стрекопытов упёрся спиной в ограду совхозного коровника. В полной темноте бросился он на землю и наострил уши. Но вместо гусяного шипения услышал томный вздох. Потом ещё один. И ещё. За стеной коровника происходило что-то странное. Сначала Стрекопытов смутился и хотел уйти, пока его не заметили, но тут вздохи участились и перешли в страстное мычание такой силы, что все окрестные собаки, проснувшись, ответили дружным залившимся лаем. В коровнике зажгётся свет.

– Майка! Майка! Ой, мамочки, как же это я проглядела тебя? Ну прости, прости, заснула... Сейчас всё сделаем, потерпи немного.

Отковыряв пальцем кусок пакли в стене, Стрекопытов разглядел рыжую корову с белой звездой и новорождённого телёнка. Ещё пару раз мелькнула фигура девушки, бегающей туда-сюда с ведром, а потом всё стихло и свет погас.

Над посёлком поднималась заря, навий лист уже не найдёшь, а скоро на завод. Стрекопытов привалился спиной к коровнику и задремал. А когда утренняя тень сползла с лица, он проснулся и увидел уходящую в поле девушку. Тонкая, загорелая, она шла по траве, не сминая её, и цветы кивали ей вслед. А потом девушка обернулась на секунду, скользнула насмешливым взглядом по Стрекопытову – и тот пропал навеки.

На работе он был рассеян. То достанет из авоськи алюю гвоздику вместо гвоздей, то извлечёт оттуда денатурат в красивом хрустальном фужере. Дома под вечер вовсе стал задумчив, нашарил пачку «Казбека» и закурил впервые за последние три месяца. Где-то тарахтел мотоцикл, лениво брехали собаки и стрекотали ранние кузнечики, под окном распевалась Оксана Георгиевна со своим аккордеоном. А девушка всё так же стояла перед глазами и насмехалась над влюблённым дьяволом...

Следующим вечером Стрекопытов пошёл на танцы. Перед этим он целый час смотрелся в зеркало. Небольшие рожки сначала прикрыл фетровой шляпой. Но потом вернулся к привычной кепке. Надел, снял и снова надел галстук. Гвоздику поместил в петличку – не пропадать же добру! Затем глянул в окно, оценил обстановку и выскочил в тот самый момент, когда большинство прогуливающих девиц отвлеклись на проезжающий мимо мопед.

По причине тёплой погоды танцы проходили не в самом клубе, а рядом, на площадке, освещаемой по центру единственным фонарём. Под фонарём, кстати, танцевались только энергичные танцы. А когда взвился над площадкой баритон, призывая вспомнить, как давно по весне он на чёртовом крутился колесе, пары танцующих сместились в тень, оставляя в центре место для эффектного появления дьявола.

Из темноты раздалось дружное девичье «а-а-ах». Стрекопытов расправил неслабые плечи, отбивая возникшее было у некоторых парней желание проверить его рога на прочность, и тут же согнулся под тяжестью двух-трёх, а то и четырёх селянок, повисших на руках.

– Григорий Вениаминович, – жарко дышала в ухо наиболее авторитетная.

– Гришенька! – молила откровенная и смелая.

– Товарищ Стрекопытов, – властно призывала самая близко знакомая – заводская кассирша, отвечающая за выдачу зарплаты.

Да, без навьего листа туго приходилось дьяволу. И главное, отцепить от себя настойчивых девиц не было никакой возможности – так и передвигался по площадке в окружении поклонниц, несколько беспокоясь о том, какое впечатление произведёт его эскорт на прекрасную совхозницу. Но её нигде не было видно.

– А где мне взять такую песню? – вопрошали невидимые динамики.

– Кто мне плеснул бы граммов двести? – вторили из кустов местные хулиганы.

Танцы заканчивались. Стрекопытов лениво лузгал семечки, предложенные кассиршей. Сама она танцевала с каким-то тощим пэтэушником рядом, в двух шагах, и при этом не спускала глаз с красавца-дьявола. Остальные претендентки отчаялись и разбрелись по неосвещённому периметру. И тут на дорожке, ведущей к клубу, мелькнуло синее платье. Стрекопытов вскинулся раньше, чем узнал её – видать, сердце откликнулось, – перемахнул через ограду одним прыжком и нагнал девушку в тот самый момент, когда она поприветствовала шедшего ей навстречу рыжего крепыша с пышными баками.

Вовремя затормозив, дьявол увидел, как фраер поцеловал её в щеку, осторожно приобнимая за талию.

– Привет, Натуся! Извини, что так поздно, – на линии авария была. Погуляем?

– Да поздно уж, Володь. Давай завтра.

И они пошли мимо клуба, через памятник, к полю.

Вот с тех танцев Стрекопытов и затосковал. Мало того что у телятницы Наташи оказался жених – рыжий электрик из местного ЖЭКа, – так ещё и дьявольские чары на неё не действовали, как будто Стрекопытов был с ног до головы вымазан противной зелёной кашцей из навьего листа. Вот ведь необъяснимый наукой факт!

Стрекопытов ходил в совхоз, к коровнику, и вышагивал там рядом, неотразимый в своей мужской красоте и молодости. Наташа привыкла к нему, здоровалась уже как со старым знакомым, но на шею с поцелуями не бросалась и знойных взглядов не дарила. По вечерам она чинно прогуливалась по полю с Володей или шла с ним на танцы.

Стрекопытов ходил по пятам и мучился. Не единожды порывался он подойти к Наташе и признаться в своих чувствах, но всё не мог совладать с волнением – сердце (оно у дьяволов справа находится) бухало кузнечным молотом о грудную клетку, ноги подкашивались, а ладони трусливо потели. Наташа даже как-то, заметив неладное, сама к нему подошла:

– Вам плохо, Григорий Вениаминович?

Дьявол почувствовал себя ужасно старым. Да ведь по человеческим меркам он и был старым – почти девяносто, но Наташе-то откуда это знать!

– Нет-нет, что вы. Спасибо за заботу. Не беспокойтесь, – ответил и сам себя обругал. Ну кто так разговаривает с девушками... Точно дед!

– Какой вы смешной, – Наташа улыбнулась и взяла его за запястье. – Дайте-ка пульс послушаю... Жить будете! Молочка парного хотите?

Стрекопытов энергично замотал головой. Он всё-таки дьявол, а не домовый, с парного молочка и пронести может – не хватало ещё опозориться.

А потом пришёл жених. Со Стрекопытовым поздоровался за руку, ничуть не ревнуя. Поцеловал Наташу и повёл её глазеть на новую высоковольтную линию, протянувшуюся от райцентра к посёлку.

Стрекопытов смотрел им вслед и закипал. Володя был мужественен, сплошь положитель и надёжен, как целая бригада электриков. Но куда ему до настоящего дьявола! И как Наташа не понимает... И тут его соперник совершил роковую ошибку: в порыве вдохновения он запрокинул голову девушки и впился ей в губы таким страстным поцелуем, что Стрекопытов не утерпел.

И как ещё хватило у него выдержки сперва скинуть с себя одежду, а уж потом оборачиваться! Спустя минуту прямо на целующуюся парочку с диким рёвом нёсся рослый годовалый подтёлок. Стрекопытов высоко вскидывал копыта, угрожающе наклонял кривые рожки, кровавым глазом следя за электриком. Неизвестно, чем бы закончилась эта история – скорее всего, пошумел бы Григорий, попылил да и оставил несчастного Володю, устыдившись собственного поведения, но тот совершил вторую роковую ошибку. Встретившись взглядом с бычком, он вдруг разжал объятия и задал такого стрекача, что у Наташи рот открылся от удивления. В этой ситуации выбора у дьявола не оставалось. Он радостно поскакал за рыжим электриком, подстёгивая самого себя хвостом и в конце концов загнал его на свежепоставленный электрический столб, куда Володя взлетел с прямо-таки профессиональной грацией. Стрекопытов пару раз боднул столб, поревел для порядка и потрусил к коровнику.

Володя кричал вслед что-то живодёрское, Наташа заливалась смехом, а потревоженные коровы удивлённо мычали, выпытывая друг у друга детали происшествия. Забежав за угол, Стрекопытов перекувыркнулся, торопливо натянул брюки и бросился бежать на полусогнутых, прячась за плотной стеной боярышника.

Как электрик ни убеждал Наташу в том, что своим бегством самоотверженно отвёл от неё угрозу, она его не простила. Девушки не любят трусов. Тем более когда на пороге сердца начинает отираться симпатичный дьявол с букетом ромашек. А именно так Стрекопытов и действовал.

Каждый вечер он перебегал поле, аккуратно успевая к концу вечерней дойки, и они с Наташей шли куда-нибудь: то в клуб, то к речной заводи послушать лягушачий концерт, а то и просто посидеть на брёвнышке у края леса, вдали от любопытных совхозных и поселковых глаз. Но как ни прячься, на язык бабам всё одно попадёшь. Нет, на Наталку зла никто не держал. Так, завидовали ей по-хорошему, слёзы в девичьи подушки пряча. Меж собой сплетничали, конечно, как тут удержаться, когда такой мужчина пропадает для женского общества. И ради кого? Не учительницы, не передовички, не Валентины из сельпо – вот уж кто все глаза выплакал за месяц! А ради простой телятницы, обучающейся заочно на втором курсе агротехникума. Не отличницы даже. Ну а как слухи до Наташиной родни дошли, так пришлось Стрекопытову фетровую шляпу из сумки доставать и идти на поклон к Валентине за «Рижской сиренью» и армянским коньяком. Мог бы, конечно, всё взять из авоськи, но не стал. Неуважительно это ему казалось – дарить бесплатное и без труда добытое.

Валюша проявила лучшие человеческие качества, достав из запасников и то, и другое, да ещё и от себя добавила красивую коробку шоколадных конфет.

– Иди уж, красавец... Ой, дай хоть поцелую разок на прощанье! – и продавщица прижала Стрекопытова к страдающему сердцу, по-матерински чмокнув в щёку.

Семья у Наташи была большая: мать, отец, двое младших братьев, бойкая бабка Ладиславна и малоподвижная прабабка Станиславна, да дядья, да тётки с детьми, да кумовья к тому ж. Хата Стрекопытову понравилась: хорошая хата, справная. Пили за столом умеренно, с тостами не частили. Спрашивали о работе, родителях, осторожно интересовались зарплатой и жилищными перспективами. Непривычный к таким посиделкам Стрекопытов смущался, но

отвечал степенно и обстоятельно, что, мол, оклад, конечно, не велик, но есть премии, начальство его как специалиста ценит, с жильём обещает помочь к концу года. Родственники одобрительно гудели и в свою очередь перечисляли собственное поголовье скота и предметы мебели, стоящие на балансе.

– Ну, кур, свиней ты видел. А ещё второй холодильник в прошлом году взяли с премии. Сервант с зеркалом есть. Зелёный сервиз – мать, покажи! И подушки – пух свой, не покупаем.

Стрекопытов хоть и догадывался, что разговор о посуде и прочем ведётся с какой-то определённой целью, но, будучи незнакомым с этой стороной человеческой жизни, намеков не понимал. Какая разница, что там пылится в кладовой у Наташиных родителей? Как будто продать мне хотят, удивлялся дьявол.

Ну а вскоре Наташа, думая, что Стрекопытов по робости своей сам решиться не может, официально уведомила собравшихся, что борова Юрку пора к зиме откармливать, иначе сала не нагуляет в достаточном количестве, а чем же тогда на свадьбе закусывать прикажете?

От обморока и позора Стрекопытова спасла прабабка Станиславна. Неподвижная и безмолвная до той поры стокилограммовая пенсионерка внезапно встала и зычно объявила:

– Горько! – после чего сама же и полезла целоваться с оторопевшим дьяволом. Пока родственники объясняли старушке, что она немного поторопилась, Стрекопытов вышел на крыльцо и закурил. Окрылённая Наташа последовала за ним.

Бедный Стрекопытов! Ему и невдомёк было, что холостячеству пришёл конец и дата свадьбы зависит только от одного: успеет ли к зиме какой-то боров набрать необходимое количество сала. У людей жизнь короткая, не то что у нечисти, вот и спешат они семьёй обзавестись пораньше, детей нарожать, внукам порадоваться. А ему каково это? Жил девяносто лет не тужил, и вдруг – женись! Нет, Наташу он любил, и даже очень, но отдавать свою свободу... Ведь женатый дьявол не только власть над женщинами теряет – тьфу ему эта власть, но и посерьёзнее кое-чего, а именно – свободу передвижения.

Раз и навсегда должен он остаться в том населённом пункте, где застигнет его врасплох нелёгкая. Вот и отец его из Бугульмы шагу ступить не может – таков закон, свойственный природе всякого дьявола. А Стрекопытов любил переезжать с места на место: сегодня Крупки, завтра Мари-Турек, а послезавтра, может быть, Хальмер-Ю. А что, толковые снабженцы везде нужны! Ну как тут жениться!

Вот так думал дьявол, пока курил одну за одной папиросы «Казбек» из нарядной коробки. Темнело. В хате продолжались посиделки, здравицы в отсутствие главных героев торжества звучали чаще, а потом и петь бабы начали – виновата ли я, виновата ли я...

– Ой, Гриша, ты моим так понравился! Жаль только, что твои приехать не смогут. А коттедж теперь Ширко тебе точно даст. Положено как молодому семейному специалисту. Но это мы ещё посмотрим на коттедж этот. Может, и сами не возьмём. У нас хата большая – всем места хватит! Ну обними меня... Теперь можно!

И обречённый дьявол неловко обнял счастливую невесту.

Наташа была девушкой умной и почувствовала перемену в настроении возлюбленного уже через неделю. Но как девушка гордая, ничем это понимание не выдала. Не устраивала ему сцен, не ждала, когда он перестал прибегать к ней в коровник, не выслеживала его и не плакала. Ещё через пару дней просто сказала дома, что свадьбы не будет. Родители погоревали, бойкая бабка Ладиславна хотела было пристыдить Стрекопытова, но Наташа не позволила. А малоподвижная прабабка Станиславна, лёжа ночью на печке и слушая, как Наташа вздыхает, твёрдо сказала сама себе: «Не бывать этому! Он у меня ещё попляшет...»

У Станиславны были к Стрекопытову свои счёты. Мало не семь десятков лет назад, когда она была ещё молоденькой ведьмой, бегал к ней до хаты один такой дьявол, до женского полу больно охочий. Всегда одетый как франт в тёмно-синюю визитку и брюки с полоской, вскру-

жил он ей голову, обещая показать Париж, Венецию и Рим. Ох как они носились с ним то на почтовых, то в собственном экипаже, а то и запросто, на помеле, прижавшись поплотнее друг к другу, по всей Минской губернии, от Мозыря до Новогрудка, разоряя винные погреба и опустошая ювелирные магазины. Как пили шампанское на крыше королевского замка в Варшаве и пугали стоящих на посту гвардейцев демоническим хохотом. Как... Как бросил её пан дьявол, усвистал куда-то в Аргентину, едва заикнулась она о свадьбе. Зареклась Станиславна с той поры дело иметь с нечистью, ведьмино занятие бросила и замуж вышла за самого обычного паренька, из людей. Но, увидев Григория Стрекопытова, вспомнила молодые годы и решила во что бы то ни стало заполнить в семью дьявола, связав его свободой нерушимой клятвой!

Директор Ширко задумчиво жевал прокуренный ус, с трудом разбирая бумагу, написанную по всем правилам дореволюционной орфографии. Уразумев изложенное там, нажал кнопку селектора: «Стрекопытова ко мне быстро!»

– Анонимка на тебя имеется, Григорий. Вот погляди, – Ширко передал Стрекопытову бумагу, – о посягательстве на честь Заруцкой Дануты Станиславовны 1880 года рождения против воли её и согласия. Якобы ты, воспользовавшись печной трубой в доме потерпевшей, на протяжении трёх ночей являлся к ней в образе чёрного кота и...

– Да это же чушь! Вы что, поверите?

– Я-то, может, и не поверю, но милиция... Смотри, в конце приписка – «копия сего письма будет направлена начальнику местного отделения». И вот ещё – «при наступлении обстоятельств, суть которых подлежит обсуждению с потерпевшей (а именно вступление в брачные отношения с потерпевшей), вышеописанные насильственные акты могут быть трактованы как любовные ухаживания».

– Что? Жениться на этой старухе? Да она из ума выжила! Выбросите вы эту гадость!

– Ну выброшу... И что с того? Она новую напишет. И пошлёт уже не мне, а парторгу. Ты, кстати, в партии не состоишь, я запомнил?

– Нннет, не состою.

– А почему? Ах да, понимаю-понимаю. Вам же нельзя. В общем, найдёт старуха кому анонимку отправить, уж поверь. Ты лучше как-то полюбовно дело реши. Тебе виднее. Давай, Гриш, не затягивай.

– И решу. Вот сейчас прям решу! Напишу заявление по собственному желанию, а дальше делайте что хотите! Две недели – и нет меня здесь, ясно? Пусть хоть в обком свои анонимки пишет!

– Да ты чего, Гриш? Ну подожди, не кипятись! А как же коттедж? А премию хочешь? Ну хочешь, я тебе премию мотоциклом выдам? Гришенька, не уезжай только! Ведь план погубишь! А, э-эх! – директор скомкал анонимку Станиславны и швырнул её в угол.

Но Стрекопытова было уже не остановить. Он твёрдо решил уехать куда-нибудь подальше. Хоть в Туркмению!

Вечером того же дня директор тайком от широкой общественности пришёл к Наташе. Хозяева предложили ему чаю с пряниками, но Ширко жестом попросил чего-нибудь покрепче. Махнув подряд две стопки и отдышавшись, директор сказал Наташе:

– Не ты одна страдаешь, девка. Судьба всего нашего годового плана... Да что там плана! комбината!.. зависит от Стрекопытова. И мы не вправе сейчас отступить и сдаваться. Надо действовать!

Дальнейшее походило на разработку военной операции. Руководил ею лично Ширко. К операции, помимо Наташи и Наташиных родителей, были привлечены все прогрессивные жители посёлка и некоторые особо доверенные совхозники. Тщательным образом проинструктированные, они ждали своего часа, изображая простых сельских обывателей, но на деле...

В первую очередь, к Стрекопытову в гостиницу въехал сосед. Это был завклубом Аристарх Леонидович Вьюный, славящийся своим умением кого угодно развести на пол-литра, причём исключительно за счёт разводимого. На этот раз Вьюный не стал полагаться на своё красноречие и заранее приготовил несколько различных по крепости алкогольных напитков, включая дефицитнейший Вана Таллин – привет Валентине!

Кольцо вокруг Стрекопытова начало сжиматься...

Придя вечером к себе в хату, он застал там изысканную атмосферу богемной пьянки, в которой принимали участие уже упомянутый Вьюный, заводской художник Семён и директор свинокомплекса Пал Палыч Свирепый. Каждый из собравшихся олицетворял свой культурный пласт и налегал на присущий этому пласту алкогольный напиток, предоставляя дьяволу широкую возможность выбора. Вьюный употреблял эстонский ликёр без закуски. Свирепый пил картофельный самогон, закусывая белоснежным салом с чесноком. Семён глушил Агдам прямо из горла, занюхивая испачканным в краске рукавом. Все трое приветствовали дьявола самым дружественным образом, буквально силой усадили за стол и заставили выпить штрафную. Причём сразу три.

Когда градус вечера приблизился к критической отметке, то есть пить попросту стало нечего, своё решение предложил Свирепый, у которого самогон имелся в изобилии. Друзья встали и, преодолевая гравитационное воздействие Земли, воспарили по направлению к дому директора свинокомплекса.

О том, что объект покинул здание гостиницы, администратор стоящей напротив бани уведомил по телефону заместителя поселкового отделения милиции лейтенанта Трепунова. В течение двух минут после звонка Трепунов завёл служебный мотоцикл Урал, в коляске которого уже сидел, разминая пальцы, недавно освободившийся из мест лишения свободы воррецидивист Попроцкий, он же Сява.

В гостиницу Трепунов и Сява вошли стремительно, плечом к плечу, осознавая высокую значимость своей миссии. Сява привычным движением натянул тонкие перчатки и замер над дьявольским чемоданчиком. Несколько едва уловимых движений отмычкой и вуаля – чемодан открыт. Трепунов столь же привычным жестом обернул руку целлофаном и извлёк из чемодана общегражданский паспорт.

В тот момент, когда Стрекопытов с товарищами подходил к заветной двери, за которой водились неисчерпаемые запасы картофельного самогона, лейтенант Трепунов, держа паспорт в вытянутой руке, поднимался на второй этаж поселкового совета. Там его ждала секретарь совета Лидочка, также выполняющая функции паспортистки и делопроизводителя. Перед ней лежал паспорт Наташи, в котором Стрекопытов уже значился как муж. Открыв принесённый лейтенантом паспорт на нужной странице, Лидочка красивым округлым почерком внесла в него Наташины данные и сегодняшнее число. Затем она открыла коробочку с печатью, несколько раз дохнула на штамп и от всей души приложила его к странице. Но обычного фиолетового отпечатка на ней не появилось. Лидочка удивлённо посмотрела на печать и повторила свои действия.

Отпечатка не было. Лидочка попробовала поставить штамп на черновике. Отпечаток появился – яркий, сочный и четкий. Тогда девушка самым внимательным образом осмотрела паспорт. Документ как документ, ничего особенного.

«Шпион, – мелькнуло у неё в голове. – И паспорт у него поддельный! А вдруг он сейчас кинется его искать и найдёт меня? Ой, мамочки!»

От страха за свою юную жизнь комсомолка Лидочка впервые в жизни совершила абсолютно не комсомольский поступок. Она перекрестилась, потом перекрестила дьявольский паспорт и, зажмурившись, зачем-то ещё раз приложила к нему печать. Отпечаток на мгновение вспыхнул синим пламенем и утвердился на своём месте.

В тот же миг Стрекопытов, первым из друзей приложившийся к бутылке с самогоном, зашатался и рухнул наземь.

– Отравился! – испуганно прошептал Вьюный.

Семён прислонил ухо к груди упавшего.

– Точно. И сердце не бьётся, – авторитетно подтвердил он, не зная, что сердце у дьяволов находится справа.

Свирепый жадно припал к бутылке и, набрав полный рот, опрыскал Стрекопытова как из пульверизатора. Тот поморщился, резко сел и потёр полученную при падении шишку на затылке.

– Чтоб с моего самогона помирали? Да никогда! – Свирепый протянул дьяволу бутылку. – А это до свадьбы заживёт. Не бойсь!

И действительно зажило. Перед самой свадьбой фельдшерица Стася, уже нечувствительная к стрекопытовским чарам, разрешила снять с головы повязку. И за столом жених сидел при полном параде, счастливый и довольный. Так и живёт до сих пор, детишек уже двое. На отца очень похожи, но дьявольских рожек, правда, нет. А может, и не выросли ещё – старшему-то всего три.

Дети леса

Сыро в хате, нетоплено. Будто боится мать дымом печной трубы чужой, недобрый взгляд привлечь. Низенькие окна тряпкой занавешены – случись что на улице, и не узнаешь. Слышно только, как собаки лают да как из автомата изредка тархтят... Ну и крики. Этого мальчик больше всего боится – криков бабьих. Поэтому и нечего в окно глядеть. «Чего там хорошего углядишь?» – говорит мамка.

Когда фрицы пришли, она заранее уж всё знала. Дверь открыла сама – зачем ломать-то? Хорошая дверь, может, и пригодится ещё. Не ей, так детям. У неё спрашивали что-то, но она всё плечами пожимала – не ведаю, мол. И ушла с ними, не повернулась к детям даже.

Ну а в последний раз, там, у бывшего сельсовета, мальчик её и не видел, считай. Сестра ему глаза рукой закрыла. Вскрикнула, сама лицом ему в макушку зарываясь, и потащила домой – пошли, братик, не смотри, братик!

Мальчик упирается, он мать увидеть хочет. Головой вертит – где мамка-то? Где? Вдруг платок её – васильковый, приметный – мелькнул вроде... Мамка!!!

– Тшшш! – девочка постарше. Она всё помнит, знает, от чего малый во сне вскрикивает. – Цішэй, цішэй...

Среди ночи костёр ведь не разведёшь – ярко больно, в лесу издали заметен. Подтаскивает девочка постелю свою к углям поближе, обнимает брата, чтобы теплее было. Не спит мальчик, возится. Сказку ему рассказать, что ли?

– Ён высокі, нават вышэй за дрэвы. І ходзіць як нелюдзь задам на адной назе. Чуеш, як верхушкі дрэваў шумяць? Дык гэта ён, лешы, іх трасе!

– Навошта?

– А я пачым ведаю? Гляздіць, мо, хто тут ня сьпіць... А як убачыць, дык хапае! Вось і сьпі. Ды ціха! Зранку мужыкі вернуцца, паесці прынясуць. Сьпі!¹

Мальчику спать не хочется. Хочется есть. Кипятком надолго живот не обманешь – вон он как урчит, хлеба просит! Эх, скорее бы утро... Но глаза всё равно закрыл, притворился спящим. Вдруг и правда леший высматривает сверху, кто не спит?

Мальчик прижался к старшей сестре, спрятал нос от холода в ворот телогрейки и старательно засопел.

Костёр потух. Девочка ругала себя, что не уследила ночью, не уберегла его. Скоро отряд с вёски вернётся, а огня-то и нет! Растяпа, скажут. Мы тебя за старшую оставили, а ты...

Пришлось расковырять торбу, на которой они с братишкой спали, и достать оттуда сухой соломы. Окоченевшими пальцами долго чиркала кресалом, потом раздувала огонь, а солома всё не занималась, только горько дымила и тлела, пока наконец не показался первый язычок пламени, почти сразу и исчезнувший. Но за ним потянулись и другие, и вот уже греются ладошки у небольшого костерка, ждут дети...

Ближе к полудню девочка начала волноваться. Долго они что-то... Как бы не случилось чего с отрядом!.. Да не! Не могли они попасться! Может, просто провианта больше взяли, вот и идут медленно. Зато уж теперь до зимы еда будет! А зимой придут солдаты и помогут партизанам... И всех фрицев выгонят.

---

¹ – Он высокий, даже выше деревьев. И ходит не как люди, а задом и на одной ноге. Слышишь, верхушки деревьев шумят? Так это он, леший, их трясёт! – Зачем? – А я откуда знаю? Смотрит, может, кто тут не спит... А как увидит, так и хватает! Вот и спи. И тихо! Утром мужики вернутся, поесть принесут. Спи! (*Белорус.*)

Она и брату так сказала. Мол, долго идут – значит, много на себе несут. И сало будет, и сахар, и сухари! Мальчик кивнул и разулыбался.

Солнце, так и не выйдя из белой мглы, повернуло к вечеру. А верхушки деревьев опять качались, как прошлой ночью, гудели, стонали от натуги, словно ломал их кто. Птицы металась меж беспокойных стволов и зло перекликивались. И вдруг в один миг всё прекратилось... Стало тихо так внезапно, что дети сжались, будто от автоматной очереди, и оглянулись. К партизанской поляне из леса вышел старик. И хоть и не вровень он был с самыми высокими соснами – а так, просто высокий старик – но мальчик сразу догадался, что это и есть леший.

Леший, не глядя на детей, присел у костра. Помолчал. Потом, как бы примеряя древесные свои губы к человеческой речи, проскрипел:

– Цікаць вам трэба.

– Дзядуля, куды ж мы пойдзем? Мы з брацікам партызан чакаем!

– Не прыйдуць яны.

– Як жа гэта? Дзеда, ты праўду кажаш?²

Не ответив, леший встал и направился в гущу дерев. Мальчик бросился за ним.

– Дзядуля-лешы, дзядуля-лешы, пастой!³

Догнав, мальчик обхватил его за ногу и зашептал:

– Дзядуля-лешы, я цябе пазнаў! Ты ўсё можаш, схавай нас з сястрой ад фрыцаў! Не кідай нас тут, дзядуля-лешы!⁴

Лесовик ох как не любил вмешиваться в людские дела. Не слишком-то он и различал пришлых и местных – тех, которых утром эти пришлые и добывали у самого леса. Глянул только, не задела ли случайная пуля какое дерево, и полез к себе в дупло спать. Но потом устыдился. А что если пришлые и до этих, маленьких, доберутся? Нет, такого он у себя в лесу не допустит! Надо предупредить. А потом спать, конечно. Зима скоро...

Теперь леший угрюмо смотрел на маленького, повисшего на ноге. Вот ведь пристал, репей! Сказано же им – уцякать отсюда надо, что ещё?! Уже и вторую ногу теперь схватили – ещё одна маленькая!

– Дзядуля, не ўхадзі! – во всё горло вопила девочка. – Вазьмі нас з сабой! Нам няма куды ісьці – у нас мамку забілі! Дзядуля, забяры нас!⁵

– Дзядуля, забяры нас! – шёпотом повторял мальчик.

«Куда я их дену? – думал лесовик, так же, молчком, шагая в глубь леса. Дети брели за ним, всё чаще спотыкаясь о высокие корни. – Ладно б, лето... Спрятал бы, прокормил. Зима почти... Усну...»

Сзади послышались всхлипы. Крепились-крепились маленькие, да и умаялись. Леший остановился, вытащил из бороды поздние яблоки и горсть орехов – ешьте! Там, кстати, ещё и несколько волчьих ягод нашлось. Дать? Им всё одно – помирать, так уж лучше сейчас от одной ягодки, а не от холода и голода... Повертел в руке чёрные катышки и убрал пока. Может, пригодятся ещё.

Поев, дети стали идти ещё медленнее. А в темноте и вовсе заканючили – постой да постой. Пришлось искать дупло повместительнее. Сам залез и маленьких сграбастал. Только лёг, а эти уже и устроились на нём – девчонка на левом плече, мальчишка на груди калачиком свернулся. И спят.

---

² – Бежать вам надо.– Дедушка, куда же мы пойдём? Мы с братишкой партизанов ждём!– Не придут они.– Да как же?.. Дедушка, ты правду говоришь? (Белорус.)

³ – Дедушка-леший, дедушка-леший, постой! (Белорус.)

⁴ – Дедушка-леший, я узнал тебя! Ты всё можешь, спрячь нас с сестрой от фрицев! Не бросай нас тут, дедушка-леший! (Белорус.)

⁵ – Дедушка, не уходи! Возьми нас с собой! Нам некуда идти – у нас мамку убили! Дедушка, забери нас! (Белорус.)

«Нет, надо их из леса выводить. Не везде же эти пришлые? Ну, мой лес они со всех сторон обложили, ну а дальше-то – на восход – может, и нет их? Дня за два дойдём до края, а там перелеском-перелеском и дальше...»

А вот что дальше, леший себе слабо представлял, потому как не положено лешим в чужой лес соваться. По молодости глупой заходил он, бывало, вызывал соседей силой померяться, но всякий раз был жестоко бит, ибо в каждом лесу свой хозяин, и сила там хозяйская. В чужом бору леший не выше человека будет, беззащитен он там перед любым волком или медведем. Так-то оно так, но дети вдвойне беззащитнее. А значит, придётся идти. С этими мыслями леший и захрапел.

Утро выдалось славное – потеплело, и густой туман окружил дупло, словно облаком. Лясун любил туман – плыть по нему одно удовольствие, будто и не идёшь вовсе, а белая мгла тебя сама тянет. Маленьких, чтобы в пути не хныкали, накормил основательно – мёдом и сухой малиной. Покряхтел немного, приматывая их к себе ветвями – сестру сзади, братика спереди – и прытко побежал на восход, скользя босыми лапами по молочным тропам.

Мальчика плавный ход вскоре совсем убаюкал. Борода у лешего из сухого мха – вроде и не тёплая, но угреться в ней можно. И хорошо так – лежи себе в плетёной корзине, слушай, как редкие птицы стрекочут. Смотреть по сторонам особо не на что – мелькают в тумане деревья, собираясь в серую сплошную пелену, глаза от которой устают и слипаются. И только слышит мальчик сквозь сон изредка: «Брацік, ты тут? Ну сьпі, сьпі...»

А потом показалось солнце, и воздух вмиг стал колючим. Растаяла дымка, унесла сон и тепло, и в алом осеннем свете засверкали ряды сосен. Стояли они, ясные, гордо устремив к небу островерхие шапки, свысока смотрели на залетевших в их бор со случайным ветром гостей – обнажённую берёзку, осину-карлицу да всякую мелочь вроде лещины.

Нет дерева лучше сосны – это всем известно. Сосновый лес хворь прогоняет, душу веселит, глаз радует. Только вот светел он больно и прозрачен. Зверя гнать по нему легко, ну а если тебе самому убежать приходится? То-то... Лесовик лес знает, как человек свои пять пальцев. Бежит он теми тропами, что далее всего от людских дорог пролегают, да и то пару раз замечали патрули. Ну леший им, конечно, глаза отводил, а всё-таки неприятно – речь чужая, лающий хохоток, крепкий запах пороха... Маленькие при виде немцев цепенели от страха, а девчонка и вовсе закрывала уши руками и зажмуривалась, силясь чернотой прогнать из глаз и из памяти образ бьющейся в петле матери. Леший, чуя, как дрожит за его спиной маленькая, неуклюже гладил её по голове сучковатой лапой. А солдаты в это время проходили мимо, принимая его с детьми за мшистую корягу, поросшую трутовиками.

К вечеру все устали. Похолодало так, что леший вопреки собственному обыкновению попёр из берлоги какого-то мишку, и тот всю ночь шатался поблизости, пугая рычанием всю окрестную живность. В берлоге было тепло и тесно, но уж очень воняло – медведь успел пропитать здесь всё своим духом, пока укатывался перед сном. Ну да это людям запах не нравится, а лешим мишкин запах родным кажется, любят они его за уют и за сон крепкий. О-ох, утомился!

Неизвестно, снится ли что-нибудь лешим, но вот дети точно каждую ночь видят сны. Мальчику снились стальные птицы с чёрными человечьими глазами. Они пролетали так низко, что порой касались острым крылом деревьев. Птицы хищно вглядывались в притихший лес, будто знали про укрывшихся в берлоге детей и искали их. Покружив, птицы улетели, и остаток ночи мальчик спал почти спокойно.

Поутру маленькие проснулись, сидят тихо, как мыши, и переговариваются шёпотом:

– Вунь дзядуля-лешы які моцны! А чаму ён усіх фрыщаў не заб’е адразу?

– Дурны ты, браце! Не забівае, значыць, таварыш Сталін не даваў такога прыказу. А калі сюды прывязуць тэлеграму ад Сталіна, дык усім фрыцам капут!

– Сама ты дурная! Як яе сюды прывязуць? Дзе яго знойдуць у лесе?
– А хіба ты ня ведаеш, што лешаку падарунак можна у любым дупле пакінуць? Ды лешы сам яго знойдзе...

– А калі ён чытаць ня ўмеець? Тады што?

– Вялікі Божа! І праўда, ён жа няграматны напэўна!⁶

И это была правда. Лясун читать не умел, как и его соседи. Может быть, и летели из Кремля в тот год телеграммы ко всем лесным хозяевам на западных рубежах. Может быть, почтальоны, рискуя жизнью, и пробирались мимо немецких патрулей, чтобы их передать... Кто знает? Лесная нечисть была почти поголовно безграмотной.

И всё-таки не надо было в берлоге ночевать. Знал ведь леший, что пора ему на зиму под землю залечь, сховаться. Знал, но ради маленьких решил перетерпеть, боролся с дремотой, как мог. А тут в тёплой берлоге разморило его...

Вот и солнце уже сквозь валежник замерцало, день поднялся, а дедуля-леший всё лежит, ровно колода какая, и не ворухится, и не дышит... Что теперь делать-то?

– Ды ня мог ён памерці. Лешыя сто гадоў жывуць!⁷

– А ты хіба ведаеш, колькі яму гадоў было? На выгляд стары зусім... Эй, дзядуля! Дзядуля!.. Не чуе...⁸

– Дзядуля-лешы! Прачніся!⁹ – мальчик что есть мочи тормошил задеревеневшего лесовика, да только все ногти себе содрал, а добудиться не смог.

– И што цяпер рабіць будзем?¹⁰

– Да людзей пойдзем!¹¹, – девочка, хоть и была всего на два года старше, почувствовала себя вдруг взрослой, почти как мама. Ой мама... Встряхнула головой, зажмурившись. – Паглядзім, што ў дзядулі засталася. Учора яблыкі былі ды арэхі... А цяпер пуста. Ну і добра. Пайшлі!¹²

– А там мядзведзь! Ён бяз дзэда-лешага нас з'ясі адразу!¹³

– А мы агонь распалім! Тады не з'ясі, спужаецца! Вось і трут і крэсіва ў мяне ёсьць. Пачакай, брацік!¹⁴, – и девочка, подсобрав сухих листьев, принялась за работу.

То ли воздуха в берлоге было мало, то ли трут и листья совсем отсырели, но огня всё не было. Зато повалил дым, да так, что скоро заполнил всю берлогу. Девочка изо всех сил дула на трут в надежде увидеть хоть одну искорку, пока не начала задыхаться.

– Бяжым! – дети выскочили на свет, по пути уронив тяжёлую ветку и почти обрушив берлогу.

– Дзядуля-лешы! – мальчик в слезах бросился было обратно, но сестра крепко схватила его за руку.

– Ён ужо мёртвы, яму не балюча!¹⁵, – а сама тоже плачет стоит.

---

⁶ – Вон дедуля-леший какой сильный! А почему он всех фрицев не убьёт сразу?– Глупый ты, братец! Не убивает, значит, товарищ Сталин не давал такого приказа. А если сюда привезут телеграмму от Сталина, так всем фрицам капут!– Сама ты глупая! А как её сюда привезут? Где его найдут в лесу?– А ты разве не знаешь, что лешему подарок можно в любом дупле оставить? И леший его сам найдёт...– А если он читать не умеет? Тогда что?– Великий Боже! Ой, правда – он же неграмотный, наверное! (*Белорус.*)

⁷ Да не мог он умереть! Лешие сто лет живут! (*Белорус.*)

⁸ А ты разве знаешь, сколько ему лет было? На вид он старый совсем... Эй, дедушка! Дедушка! Не слышит... (*Белорус.*)

⁹ Дедушка-леший! Проснись! (*Белорус.*)

¹⁰ Что теперь делать будем? (*Белорус.*)

¹¹ К людям пойдём. (*Белорус.*)

¹² Посмотрим, что у дедушки осталось. Вчера и яблоки были, и орехи... А теперь пусто. Ну да ладно. Пойдём! (*Белорус.*)

¹³ А там медведь. Он без дедушки-лешего нас сразу съест! (*Белорус.*)

¹⁴ А мы огонь разожжём! Тогда не съест, испугается! Вот и трут, и кресало у меня есть... Подожди, братик... (*Белорус.*)

¹⁵ Он уже мёртвый, ему не больно. (*Белорус.*)

– А-а-а-апчхи! – содрогнулась чаша.

– А-а-а-а! – заорали в голос мальчик и девочка, увидев, как зашевелилась земля.

Проснулся лесовик, прочихался от едкого дыма и только тогда вспомнил всё, что приключилось с ним вчера. Верещащих от ужаса маленьких нагнал в два прыжка, успокоил как мог, достал им орехов и сухой черёмухи из потаённой глубины леса – конечно, не в бороде же припасы хранить! А потом, привычно уже примотав к себе обоих, помчался по ночному лесу на восход. А в полуразрушенную берлогу тут же вернулся мишка, поворчал малость, посетовал на смрадный дух да и захрапел... Хорошо ему!

«Только б не заснуть, – думал лясун. – Это хорошо, что зима скоро – остальные-то лешаки уже под землю давно провалились! Значит, не остановит никто... Только бы не заснуть».

Лес заканчивается, редкуют сосны... Месяц на небе виднеется, но восход уже близко, ещё немного и рассветёт. И вот в предрассветной мгле показалась, наконец, продуваемая всеми ветрами узкая полоска незасеянного поля, разделявшего два леса. Там, в родном лесу, остались силы лясуна и его власть. Выходил из леса своего великаном могучим, под которым земля прогибалась. Шёл по полю волом тягловым, круто рогами вниз склоняясь. А в чужой лес маленькие его стариком дряхлым завели, под обе руки поддерживая.

Сели на поваленное дерево отдохнуть. Руки у старика трясутся, шарит он в бороде, найти что-то хочет. Да только до своего леса уже не дотянуться – нет теперь ни яблок, ни орехов. Только и нашлось, что две волчьи ягоды – одна побольше, другая поменьше.

Жалко лешему маленьких – сам ведь виноват! Ох, не надо было на силу свою надеяться, в лес чужой заходить. Куда они теперь, старый и малые, денутся? Видно, и правда придётся детям ягодок отведать...

Поманил их к себе леший, ягоды протягивает – берите, мол. Девочка потянулась уже было, да взять не успела – резко окликнул кто-то сзади. Глядь, а там фриц стоит! Молчит, только автоматным дулом показывает – хенде хох! Это значит, руки вверх поднять.

Маленькие и подняли, стоят, трясутся. И леший поднял. Высоко поднял, из последних сил потянул ветви к небу, корнями в землю прорастая... Тянется лесовик вширь и ввысь. Знает он, что морок ему не навести теперь, только одно и остаётся – самому деревом стать, маленьких заслонить.

Заверещал фриц от ужаса, глазам своим не верит – как это дерево в три обхвата вместо человека выросло в единый миг! Стоит, орёт себе что-то, а пошевелиться не может.

Наконец совладал с ногами и ну бежать от этого проклятого места, на ходу паля из автомата по морщинистому стволу...

Упал лесовик наземь, вздрогнул лес от тяжести вековой. Дети сидят рядом, по щекам его гладят, никуда не отходят.

– Дзядуля, мы цябе не кінем. Мы да дохтара адвядзём цябе! Дохтар горкае пітво дасьць. Дык ад яго адразу выздаравееш! Чуеш?¹⁶

Девочка лужицу нашла, слегка льдом уже подёрнувшуюся. Ладонки туда опустила, воды принесла лясуну:

– Пі, дзядуля!¹⁷

Губы смочив, прислушался к своим ощущениям. Вроде жив... Ну а раз так, вставать надо. Иначе в сон провалишься!

---

¹⁶ Дедушка, мы тебя не бросим. Мы к врачу отведём тебя! Врач горькое питьё даст. И от него сразу выздоровеешь! Слышишь? (Белорус.)

¹⁷ Пей, дедушка! (Белорус.)

И побрели они так – девочка лешего под левую руку держит, мальчик – под правую. От патрулей подальше держались, без троп, через самую чашу шли. Медленно шли, голодно. Однако ж ягоды волчьей леший выбросил, не на свою, а на человеческую силу и чудо теперь надеюсь.

И прав оказался. Вышли они к людям всё-таки! Ровнёхонько к первому снегу...

Впереди, чуть в низине, лежал городишко, а самый крайний дом почти примыкал к лесу. Здесь не было чужаков, над избами безбоязненно клубился печной дым, кое-где мычали коровы, и слышались гудки далёких паровозов, обречённо идущих на восток.

Ясный закат обещал по-настоящему морозную ночь, и леший засыпал на ходу. Они стояли втроём на самом краю леса, держась за руки – ни дать ни взять дед с внучатами, такими же востроносими и глазастыми, как и он сам, за хворостом собрался!

– Далей хадзіце самі¹⁸, – прошелестел леший напоследок. Прикрыл глаза, скукожился, превращаясь в порыжевшую от времени сосновую шишку, незнамо как занесённую сюда, так далеко от родного леса, и затерялся среди чёрных почти опавших листьев и мухоморной трухи.

К дому, в котором уже горел вечерний свет, подошли с опаской. Как-то встретят их там?

На стук вышел вихрастый чернобородый мужчина. Из-за его спины любопытно выглядывала целая орава – целых пять глазастых ребятишек. Девочка уже собиралась что-то сказать, но тут внезапно смутилась и, потянув за собой брата, пошла прочь. Бородач, шикнув на загомонившую детвору, выбежал как был – босиком – и легко поднял обоих детей на руки. Так и зашёл с ними – девочка на одном плече, мальчик на другом. Дом обдал детей уже забытым теплом, запахами еды, каким-то чадом и паром.

Вечерять сели все вместе: бородач с маленькой и суетливой своей женой, пятеро их шумных детей и пришлые брат с сестрой. Ели споро – видно было, что живут здесь не очень-то сыто.

– Что будем делать с ними? – обратилась женщина к мужу на незнакомом гостям языке. – Чем прокормим?

– Ну, кормим же мы чем-то пятерых, – пожал плечами мужчина. – Значит, прокормим и семерых.

Женщина ласково погладила его по руке:

– Я иногда смотрю на тебя и думаю, что мне с тобой очень повезло... Какой ты у меня хороший... И как я могу – прости меня, дуру, – вечно ругать тебя за всякие пустяки? То вещи не убрал, то дров не наколот... Как будто сама не могу всё сделать! Как будто руки у меня от этого отвалятся! Да не отвалятся, они же казённые! – от недавней нежности в голосе не осталось и следа. Женщина кричала, поднимая руки к небу и призывая его – небо – в свидетели своей тяжкой доли: – Это ведь не эти руки на себе пятерых выносили! Не эти руки вагон дров перерубили! Ай ты горе моё, горе-злосчастье!

Брат и сестра замерли, во все глаза глядя на бушующую маленькую женщину. Остальные дети, давно, видимо, привыкшие к подобным сценам, не обращали на мать никакого внимания и доедали суп, так же весело гогоча и толкаясь.

Мальчик под столом схватился за руку сестры:

– Што яна гаворыць? Яны ж размаўляюць як фрыцы!

– Не, яны ня фрыцы. Дзядуля б нас тут не пакінуў. Гэта нашы, свае, савецкія!¹⁹ – шёпотом ответила девочка.

А женщина меж тем не унималась:

– Ну и что ты за театр мне тут устроил? Что ты хватаешься за сердце? Гирш! Ответь мне сейчас же! Ну что ты молчишь? Тебе плохо? О, милый мой! Что с тобой? Посмотрите, люди, до

¹⁸ Дальше идите сами. (Белорус.)

¹⁹ – Что она говорит? Они же разговаривают как фрицы! – Не, они не фрицы. Дедушка бы нас тут не оставил. Это наши, свои, советские. (Белорус.)

чего довела эта проклятая жизнь моего бедного мужа! Ну успокойся, успокойся! Тебе нельзя волноваться, у тебя ведь сердце, – и она поспешила обнять мужа. – Одна я тебя всегда буду жалеть, понимать и любить!

Бородач нежно поцеловал жену, незаметно улыбнулся и подмигнул очумевшим от происходящего за столом гостям.

От слабости мальчик не мог идти. Тогда печальная и тихая жена Гирша подняла его на руки, и они пошли дальше в толпе таких же тихих мужчин, женщин и детей. Они шли куда-то в гору, и хотя все понимали, что идти туда вовсе не стоит, никто не пытался свернуть с дороги. Некуда было сворачивать – по обе стороны то тут, то там стояли автоматчики, и рвались с цепей, заливаясь злым лаем, остроухие собаки. Сестра шла рядом, опустив голову. А когда она наконец подняла глаза на брата, её лицо стало мамкиным лицом. И так мальчику от этого стало страшно, что он заплакал.

– Тшшш-шшшш, – жена Гирша в ночной рубашке стояла над мальчиком и гладила его горячий лоб. – Тебе сон плохой приснился, да? Ну иди сюда, иди.

Сняла его с печки, где он спал с остальными детьми. Печка была небольшая, но детишки были до того худенькими, что без труда помещались все вместе под старой шинелью Гирша.

– Тшшш-тшшш, – женщина прижала к себе мальчика и пошла с ним за занавеску. – Гирш, подвинься. Слышишь, Гирш, подвинься же ты. Малыш ляжет с нами.

Албарсты

– Вы слышите, что я говорю? Вам для оформления пенсии нужно трудовую принести.
– Так вот же она, дочка!
– Это не трудовая. Это вообще непонятно что... Какой-то паспорт экспоната. Вы читать умеете?

– Нет...

– Ох, ну ладно, – девочка в собесе наконец сжалась над Албарсты²⁰. – Я начну оформлять пенсионное, а вы потом принесёте... Последнее место работы?

– Музей. Музей этнографический.

– В войнах участвовали?

– Да.

– В каких?

Албарсты на минуту задумался. Потом, загибая кривоватые грязные пальцы, принялся перечислять:

– С джиннами воевал, с желмогуз кемпир²¹. Ещё с жез тырмак²²... Да, было дело...

– Байке²³, вы с немцами воевали? – девушка начала раздражаться.

– А это когда было?

– Так, слушайте, уважаемый, если вы с утра уже того... приняли, то идите домой, не надо мне тут голову морочить!

– Но я...

– Всё! Завтра приходите, завтра! И трудовую не забудьте.

Албарсты махнул рукой на глупую девушку и вышел на улицу. Ноябрь в Бишкеке выдался особо слякотным и противным. Пока добрёл до музея, все ноги промочил. Надо дожидаться директора – он грамотный, он пусть документы готовит. А пока других дел полно: в фойе школьники натоптали, грязь нанесли; какой-то пьяный дурак ночью камнем в окно запустил – надо бы проверить, не пошла ли дальше трещина; а в витрине с представителями животного мира степей опять моль завелась – обгложет последнюю лису проклятая, что потом будем делать?

Албарсты, чихая, растирал в ладонях сушёную лаванду и сыпал ею чучело степной лисички. Под чучелом лежала непонятная бумажка. Албарсты не умел читать, но бумажка показалась ему знакомой. Он достал из кармана свои документы и сравнил их с найденным под чучелом серым листочком с фиолетовыми печатями.

И тут, распространяя вокруг себя ароматы жирной баранины и китайской водки, в зал ввалился директор музея Аттокур Дюйшенович. Нависшую над собой угрозу в виде старого Албарсты директор заметил не сразу. Он заботливо поправил пыльную штору, загнал под батарею невесть откуда взявшийся окурочок и, наконец, обратил внимание на Албарсты.

– Это что? – прогудел тот, протягивая директору бумажку.

– Это?... Ик... Это паспорт музейного экспоната... Питекантроп... Реконструкция облика... Ой!

Аттокур Дюйшенович предпринял попытку к бегству, но Албарсты железной рукой задержал его и приподнял сантиметров на тридцать.

---

²⁰ Албарсты – в кыргызской и казахской демонологии – злое горное существо, своим видом и повадками напоминающее снежного человека. (Здесь и далее – примеч. автора.)

²¹ Желмогуз кемпир – злое демоническое существо с семью головами.

²² Жез тырмак – демон с медными когтями.

²³ Байке – уважительное обращение к старшему мужчине.

– Ах ты, свинья двуногая! Ты же обещал по трудовой устроить! Я на тебя десять лет пашу! Ты забыл, кто я? – и Албарсты зарычал, обнажая жёлтые клыки устрашающего размера.

– Милиция! Помогите! – заверещал директор, дёргая ногами, но Албарсты его уже отпустил.

Аттокур Дюйшенович грохнулся на пол тяжёлым мешком и быстро отполз в угол.

Албарсты громко чихнул и вернулся к тщедушному тельцу лисы. Директор понял, что убивать его пока не собираются, и решил перейти в наступление:

– Ты как с начальством разговариваешь? Интересное дело – живёшь тут, значит, на всём готовом, кормят тебя, жалеют... В газетах иностранных рожу твою печатают... Никакой благодарности! Думаешь, я не вижу, как ты куришь у себя в витрине, когда экскурсий нет, а? Вся пещера провоняла! Да я тебя завтра же уволю, понял? Ну и куда ты пойдёшь?

Албарсты не отвечал. Потравив моль, он принялся протирать заляпанное пальцами стекло витрины.

Директор примирительно похлопал его по мощной спине:

– Не сердись. Не могу я тебя по трудовой устроить, понимаешь? Не могу! Нет у нас штатных единиц в музее. Одна только должность – директор. Он же техничка, он же сторож, он же...

Аттокур врал. На самом деле техничкой он записал свою тещу, а сторожем племянника. Но поскольку всю чёрную работу в музее делал Албарсты, зарплату директор забирал себе, расписываясь в ведомости левой рукой за тещу и за племянника. Но сообщать об этом сейчас он считал небезопасным.

– И потом, у тебя даже паспорта нет! Как я тебя оформлю?

А вот это было правдой. Албарсты как существо полумифическое паспорта не имел. По молодости он и слов-то таких не знал, веками бегал себе по горам, пугая чабанов и заламывая иногда овечку-другую для пропитания. А под старость, когда ревматизм замучил и ночевать в снежной ложбинке под елью стало невозможно, очутился в городе. Тут он и познакомился с Аттокуром.

В тот год Аттокура Дюйшеновича только назначили в музей. До этого он был директором мясокомбината, но как-то уж очень проворовался, и родственники, от греха подальше, устроили его сюда. Такая неразбериха творилась в мире, что никому и дела не было до профильного диплома – лишь бы согласился кто сидеть в музее за восемьсот сом новыми деньгами. Вот Аттокур и согласился – всё лучше, чем тюрьма! Освоившись на новом месте, он прежде всего определил, что из экспонатов представляет хоть какую-то ценность. По глупости сначала сдал на металлолом мотыги первых сибирских переселенцев, но потом сообразил, что лучше толкать экспонаты иностранцам в первозданном, так сказать, виде. И продал каким-то ценителям женское ожерелье XV века, подлинную кость динозавра и даже мохнатую фигуру, изображавшую питекантропа в натуральную величину.

Только, казалось бы, развернулся Аттокур, а тут проверка из министерства культуры нагрянула! Будем, говорят, сверять по инвентарным номерам экспонаты, ревизию делать. И если ожерелье Аттокур Дюйшенович возместил – у жены спёр бусы какие-то, а кость динозавра заменил хорошо обглоданной бычьей голяшкой, то с питекантропом возникли проблемы. Хотел уже было директор устроить маленький пожар в музее и на это происшествие списать потерю ценного экспоната, но вовремя вспомнил про Албарсты, иногда за пару килограммов костей помогавшего грузчикам на мясокомбинате. Аттокур его нашёл, отмыл, причесал и угрошил посидеть в витрине пару недель, пока не пройдёт ревизия.

Но Албарсты без дела не мог. Днём он действительно сидел на валуне у входа в пещеру из папье-маше, а ночью наводил в музее порядок – мыл окна, поливал фикусы и натирал паркет мохнатыми локтями.

Комиссия из министерства культуры тогда высоко оценила чистоту музейных залов и сохранность экспонатов в такое трудное для страны время, а за натуралистичность и высокую детализацию фигуры питекантропа даже объявила директору музея благодарность в устном и письменном виде. Иностранцы, по случаю заглянувшие в музей, тоже подивились мастерству кыргызстанских музейных работников, долго фотографировались на фоне Албарсты и пообещали выдать директору международный грант на дальнейшее развитие экспозиции. Аттокур Дюйшенович почуял выгоду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.